

Марат Валеев

На крючке

Территория Творчества представляет...

Марат Хасанович Валеев

На крючке. Территория Творчества представляет...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48630396

ISBN 9785005077714

Аннотация

Я не случайно дал такое название этому сборнику рассказов и баек о рыбалке. Дело в том, что тот, кто хоть раз взял в руки удочку, за редким исключением, навсегда сам попадает на «крючок» этого древнего промысла – рыбной ловли – и уже никогда с него не сойдет (опять же, оговорюсь, за редким исключением). Потому что азарт, восхищение или разочарование и прочие треволнения – все эти эмоции, однажды испытанные вами на рыбалке и переворачивающие вашу душу, будут требовать своего выхода вновь и вновь.

Содержание

Марат Валеев	5
От автора	8
Как я стал рыбаком	9
Рассказы	13
На крючке	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**На крючке
Территория Творчества
представляет...**

Марат Валеев

Редактор Валентина Спирина

Фотограф Марат Валеев

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Марат Валеев, 2019

© Марат Валеев, фотографии, 2019

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7771-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марат Валеев

Марат Хасанович Валеев родился 26 августа 1951 г. в г. Краснотурьинск Свердловской области. Закончил факуль-

тет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (г. Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области (районных, областной). В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993 г. – «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора.

Автор и соавтор более двух десятков сборников юмористических рассказов и фельетонов, художественной прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишиневе, Новокузнецке, Оренбурге, Южно-Сахалинске, Санкт-Петербурге, Екатеринбургe, Москве. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси-2008» (номинация юмор), Общества любителей русского слова (номинация проза, 2011) «Рождественская звезда-2011» (номинация проза), «Так было» газеты «Комсомольская правда» (2014), имени Виталия Бианки (2017), имени Михаила Пришвина (2018), «Лучшая книга года» русскоязычных авторов (Германия, 2018).

Член Союза российских писателей. Живет в Красноярске.

От автора

Я не случайно дал такое название этому сборнику рассказов и баек о рыбалке. Нет, не только потому, что один из моих рассказов так и называется. Дело в том, что тот, кто хоть раз взял в руки удочку, да при этом еще и поймал свою первую рыбешку, он, за редким исключением, навсегда сам попадает на «крючок» этого древнего промысла – рыбной ловли и уже никогда с него не сойдет (опять же, оговорюсь, за редким исключением). Потому что азарт, восхищение или разочарование и прочие треволнения – все эти эмоции, однажды испытанные вами на рыбалке и переворачивающие вашу душу, будут требовать своего выхода вновь и вновь. И вы снова и снова будете с нетерпением ждать того дня, когда сможете оказаться на излюбленном вами месте у пруда, озера, реки, а то и моря, чтобы, закинув удочку, впиться взглядом в поплавок и ждать поклевки... Вот обо всем этом мои вполне серьезные и самые что ни есть правдивые рассказы. Ну, а бонусом к ним байки, не менее реалистичные, но сдобренные рыбацким юмором. Итак, удачной вам поклевки... то есть, доброго прочтения!

Как я стал рыбаком

Как на духу признаюсь – я за свою жизнь загубил не одну щучью жизнь. А вылавливать их на жерлицу меня пристрастил мой отец. Всё началось после того, как ещё в тысяча девятьсот пятьдесят с чем-то году он почему-то связался с другой женщиной и ушёл от своей жены и моей мамы, оставив, у неё на руках меня, то есть своего первенца, и моего младшего братишку. На двоих нам тогда было шесть лет.

Спасаясь от упрёков и преследований многочисленной родни как с маминой стороны, так и со своей тоже, отец взял и уехал с этой самой нехорошей женщиной в северный Казахстан. Где в это время разворачивалась целинная эпопея, и где только как раз их там и не хватало.

А мама, промучившись одна с нами и с муками ревности несколько месяцев кряду, не выдержала и, выведав адрес своего непутёвого мужа (они ведь были не разведены), сгребла нас в охапку и поехала в этот самый Казахстан.

Папка мой, как оказалось, прибился к колхозу «Красный октябрь» в Павлодарской области, куда мы и приехали жарким июньским днём. Жил он в небольшой деревушке, бывшей казачьей станице, стоящей на высоком берегу, под которым, среди зелёных-презелёных лугов с шарообразными островками ивовых кустов, уютно раскинулись пойменные озёра, обрамленные камышами.

Вот на одном из этих озер – Долгом, – мама и нашла нашего отца, не застав его дома. Посевная к тому времени закончилась, сенокос ещё не начинался, потому он и отдыхал с удочкой на берегу.

Помню, как мы спустились по песчаному взвозу под старый иртышский берег и пошли узенькой тропкой, протоптанной в зелёной густой луговой траве, к высокой стене камышей, покачивающихся на лёгком ветру пушистыми кисточками.

Младший брат сидел на руках у мамки и противным голосом хныкал, потому что его всюду кусали комары, а я семеня сзади и с любопытством озирал окрестности, хотя комары и меня не обделяли своим вниманием.

Высоко в бледно-синем, как бы выцветшем, небе сияло ослепительно белое солнце, везде вокруг порхали разноцветные бабочки, тренькали кузнечики, разноголосо щебетали какие-то птицы. А в прогалине среди камышовых зарослей я увидел знакомую коренастую фигуру с блестящей лысинкой на темени (отец рано облысел).

Он как раз широко размахнулся какой-то длинной палкой, и от неё на воду со свистом упала длинная нитка с привязанным ближе к концу зелёным узлом из камыша. Мать негромко позвала отца по имени, он обернулся и уронил удочку.

А я закричал во всё горло:

– Папка-а-а-а! – и помчался прямо по шуршащей траве

к самому своему любимому тогда человеку.

Тут опять заревел примолкший было младший братишка, тоненько заскулила мама, у отца тоже искривилось лицо, и он, шмыгая своим большим носом, торопливо и косолапо пошёл к нам навстречу, вытянув руки.

Руки эти, грубые, с изломанными и грязными ногтями, были все в чешуе и противно пахли рыбой. Но как у меня зашло сердечко, когда я оказался на этих руках, и мокрая отцова щетина, знакомо пахнувшая табаком, стала колоть мне щёки, шею!

И тут отец краем глаза увидел, что зелёный узелок из камыша (это, как я потом узнал, был самодельный поплавок), пляшущий на мелкой ряби зеленоватой воды, вдруг как-то особенно сильно дрогнул и просел, а потом вообще плавно утонул и поехал-поехал под водой куда-то вбок.

Лицо у папки сразу сделалось каким-то хищным, сосредоточенным, он быстро, но осторожно поставил меня на землю, а сам подобрал валяющееся наполовину в воде, наполовину на берегу, удилище и, выждав несколько секунд, пока узелок поплавок не растворился в зелёной толще воды, плавно и сильно потащил леску вверх.

И тут вода забурлила, на конце натянувшейся до звона лески показалась большая и невероятно красивая рыбина: с алыми плавниками и хвостом, сине-зелёными, переливающимися на солнце крутыми боками и белым брюхом.

Она отчаянно молотила кроваво-красным хвостом и хва-

тала округлым ртом воздух. Но отец подвёл её по воде к вязкому берегу, истоптанному его сапогами, и потом вытянул ещё дальше, к траве.

– Вот, сына, смотри, это окунь! – с ликованием сказал он, вытащив изо рта рыбы крючок и двумя руками поднеся к моему лицу сильно изгибающееся и пытающееся вырваться покрытое мелкой и очень плотной чешуёй веретёнообразное тело.

В лицо мне полетели брызги воды, я испугался и сделал шагок назад. Сейчас отец выглядел как будто куда радостней и оживлённей, чем когда увидел нас.

– Не бойся, сына! – сказал он, улыбаясь. – Это всего лишь рыба. Сегодня вечером узнаешь, какая она вкусная.

Это означало, что отец принял наш приезд к нему как свершившийся и неизбежный факт. Так наша семья вновь воссоединилась.

Я не знаю подробностей того, как был разрешён вопрос с той женщиной, с которой он раньше нас оказался в этих благословенных целинно-рыбных краях. Но вечером, когда мы ели действительно очень вкусную жареную рыбу на квартире отца, другой женщины, кроме матери, с нами не было.

А отец с той поры частенько брал меня на рыбалку и научил ловить не только чебаков и окуней, но и щук на жерлицу. Чему я с удовольствием предавался и в детские годы, и, тем более, став взрослым.

Рассказы

На крючке

Как-то на рыбалку со мной увязался мой младший братишка. Тогда мне самому-то было лет восемь, а брательнику и вовсе пять. И я его категорически не хотел брать – рыбалка, сами понимаете, дело важное, почти интимное, многолюдия не терпит. А малолетний балбес запросто может помешать этому важному делу: начнет там камушки в воду кидать, или, того хуже, сам в нее шлепнется. И всю рыбу распугает к чертовой матери. Нет, мне он там на фиг не нужен!

Но Ринат, когда узнал, что я собираюсь на рыбалку, как начал монотонно ныть с вечера: «Хочу на рыбалку!... Хочу на рыбалку!.. Хочу на рыбалку!...», так остановился только на следующее утро. Когда вышедший из себя отец сказал мне: «Возьми его тоже! Только смотрите там у меня!».

Ну что, пришлось взять. Нас с утра пораньше разбудил отец – он собирался на работу. Мама приготовила нам бутерброды: намазала маслом два куска хлеба, присыпала их сахаром и завернула в газетку. Черви у меня были нарыты еще с вечера. И часам к девяти утра, с благословения мамки, мы с брательником, шаркая сандалиями, ушли на озеро Долгое. Я тащил удочку, Ринат – бидончик, в котором поко-

илась баночка с червяками и сверток с бутербродами.

Минут через двадцать пути – идти надо было с километр, – мы были уже у цели. С утра в продолговатом озере, обрамленном зелеными камышами, еще никто не купался. Хотя день обещал быть жарким. Детвора обычно набегает часам к одиннадцати-двенадцати. Так что эти пару часов нам никто мешать не будет. И брательник тоже!

– Ты садись сзади меня! – велел я ему. – Будешь снимать рыбу с крючка и бросать в битончик (именно битончик – так мы всегда называли эти трехлитровые алюминиевые емкости, предназначавшиеся для молока дома и для рыбы – на рыбалке). Понял?

– Ага! – согласился Ринат.

Я вынул из бидончика бутерброды и червей, положил их на земле рядом с усевшимся на корточки братом, а сам зачерпнул воды из озера – она была уже (или еще) теплая, и мне не сразу захотелось искупаться. Но я пересилил себя – искупнуться можно будет потом, со всеми. А сейчас надо заниматься важным мужским делом – ловить рыбу.

Я размотал удочку, с трудом наживил на крючок извивающегося червя, и забросил леску подальше от берега. Пробковый поплавок шлепнулся на неподвижную и слегка курящуюся паром зеленую воду озера метрах в полтора от меня. По воде разбежались круги, и немного покачавшись, поплавок замер.

Я застыл на берегу в классической рыболовно-пацанской

позе, выставив для упора одну ногу вперед и сжимая удилище обеими руками.

Но долго стоять, впившись глазами в слегка покачивающийся поплавок, мне не пришлось: он притонул раз, другой, третий, и поехал в сторону. Ага, взяла! Я резко выдернул удочку, и через голову на берег полетел первый улов – трепещущая серебристая сорога с оранжевыми плавниками.

Рыбка сама соскочила с крючка и шлепнулась за спиной брательника, запрыгала на берегу, налепляя на свою серебристую чешую песок.

– Рыба!!! – заорал во все горло мой брат, подбежал к ней и упал на нее животом. – Поймалась!

– Раздавишь! – по-хозяйски прикрикнул я на Ринат. – Неси его в битончик давай!

Ринат, сжимая сторожку обеими руками, вприпрыжку побежал к бидончику. А я в это время поправлял сбитого на крючке червя. Он был цел, только сполз немного вниз.

– А можно, я его помою, а то он грязный? – услышал я вдруг просьбу брательника. И не успел даже в ответ открыть рот, как увидел, что первая моя сегодняшняя рыба плюхнулась в воду, вырвавшись из рук этого растяпы.

– А она уплыла, – убитым голосом сказал Ринат и скривил лицо, собираясь заплакать.

Улов мне, конечно, было очень жаль. Но не лупить же из-за одной рыбки родного брательника? Тем более, судя по первой поклевке, рыбы здесь с утра собралась тьма. И все

голодные.

– Ладно, – великодушно сказал я Ринату. – Еще поймаем. Ты только больше не купай их в воде, ладно?

– Ладно, – шмыгнул носом брат, снова устраиваясь на корточках на отведенном ему месте. И покосившись на бумажный сверток, добавил:

– А когда исть будем?

– Когда поймаем пять... нет, десять чебаков, – поставил я перед нами жесткую задачу.

И, оставив рядом с ним на земле леску с наживленным крючком, вернулся к удилищу и, широко размахнувшись, как обычно в те пацанские годы, через плечо закинул свою снасть в воду (это став взрослее, я научился посылать леску от себя). И тут же услышал дикий рев, от которого у меня душа ушла в пятки.

Схватившись обеими руками за рот и упав на землю, орал Ринат. А из-под его ладоней к моему удилищу тянулась леска. Это могло означать лишь одно: я вогнал своему брату в лицо крючок. Случалось, что я цеплял себя сам за рубашку сзади, за штаны, как-то даже палец порвал крючком. Но чтобы так, живого человека... Да еще своего брательника, за которого мне сейчас дома так всыпят, что я надолго забуду про рыбалку!

Но сейчас главное не это. Может, не все еще так страшно?

Я подбежал к брату, упал перед ним на колени и попытался оторвать его грязные ладошки от лица.

– Покажи, куда зацепило... Да отпусти ты руки!

Но брат продолжал верещать как резаный и еще сильнее прижимал руки. В конце концов, рев его перешел во всхлипывания, и он убрал от лица одну ладошку, потом вторую. И меня всего передернуло.

Крючок впился в верхнюю губу. Он вошел туда почти весь, оставив снаружи лишь миллиметра два цевья с ушком, к которому и была привязана свисающая леска. Крови в месте прокола выступило всего лишь пара капелек.

– Ничего страшного, – успокоительно забормотал я испуганно заглядывающему мне в глаза братишке. – Тебе больно?

– Шють-шють, – прошепелявил Ринат, стараясь не двигать верхней губой.

– Ну и нормально. Щас придем в больничку, тебе его быстренько вытащат, и все!

– Боно буйт! – испуганно забубнил Ринат, трясая свисающей с губы леской. При этом он выглядел так уморительно, что я не выдержал и хихикнул.

– Такую большую рыбу я еще не ловил!

Брат сморгнул слезинки с глаз и тоже заулыбался. Так, жизнь вроде налаживается. Крючок я, конечно, сам не вытащу, да Толик меня к себе и не подпустит. Значит, надо срочно топать в наш фельдшерский пункт, к тете Любе. Она все сделает как надо.

Но не тащить же брата за собой на крючке? А у меня ни ножика нет, ни спичек, чтобы отрезать или пережечь леску.

Так, а зубы на что? И я, аккуратно перехватив леску у братишки под самым подбородком, чтобы не потревожить сидящий в его губе крючок, перегрыз ее зубами. Так что теперь у Толика с губы свисало всего сантиметров десять лески.

Подобрав бидончик и забыв на берегу червей и бутерброды, мы поспешили с братом в деревню. К счастью, на нас никто особенно внимания и не обратил – ну, идут два брата с рыбалки. Да и улицы были почти пустынно в это время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.